

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ТАТАРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧНОСТИ У АСТРАХАНСКИХ ТУРКМЕН

О.И. Брусина

Ольга Ильинична Брусина | <http://orcid.org/0000-0003-0134-975X> | brusina@inbox.ru | к. и. н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

туркмены, Астраханская область, конструирование, этническая идентичность, татаризация

Аннотация

На примере астраханских туркмен рассмотрена проблема эффективности конструирования государством этнической идентичности малой группы. Каковы были результаты “татаризации” туркмен, как менялись их самоидентификация и этнические границы? Еще в XVIII–XIX вв. считалось, что туркмены едва ли не растворились среди татар и ногайцев, восприняли их язык и элементы культуры. В 1930-х годах туркмены принудительно записывались татарами, на татарском языке как родном шло обучение в школах. Вопреки государственному конструированию астраханские туркмены в основном сохранили свою идентичность; они развивались как общность благодаря относительной автономности и связям с соседней Туркменией. В постсоветский период астраханские туркмены оказались в выгодном положении приграничной группы, что помогло развернуть вектор конструирования в обратную сторону и направить усилия России и Туркменистана на поддержку этнической самобытности этой группы.

В современной научной литературе доминирует подход, согласно которому нации возникли как социальный конструкт или политический проект в Новое время (конец XVIII – начало XIX в.) в связи с дроблением империй, индустриализацией и демократизацией, становлением средств массовой информации, образованием колоний, благодаря осознанной деятельности политической элиты, интеллигенции и общественных лидеров (см., напр.: *Андерсон* 2016; *Геллнер* 1991; *Хобсбаум* 1998; *Тишков* 2003; *Брубейкер* 2012). Многие авторы разводят понятия “нация” и “этничность”, поскольку “национализм относится к области политической теории, а принцип этнической принадлежности – к социологии и социальной антропологии” (*Хобсбаум* 2002: 335). Одни исследователи

Статья поступила 16.08.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 09.12.2021
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Брусина О.И. Конструирование татарской идентичности и воспроизводство этничности у астраханских туркмен // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 4. С. 167–191. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040091> EDN: HXVNOС

Brusina, O.I. 2022. Konstruirovanie tatarskoi identichnosti i vosproizvodstvo etnichnosti u astrakhanskikh turkmen [The Construction of the Tatar Identity and Ethnic Survival of the Astrakhan Turkmen]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 167–191. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040091> EDN: HXVNOС

употребляют словосочетания “этническая группа”, “национальные меньшинства” и аналогичные им как термины с очевидным смыслом (напр.: *Андерсон* 2002: 251; *Геллнер* 2002: 169; *Хобсбаум* 2002: 335), подразумевая размытость и изменчивость границ таких общностей (см.: *Барт* 2006), а другие не делают принципиальных различий между “этничностью” и “нациями” (*Тишков* 2003: 170–171, 499; *Брубейкер* 2012). Ряд ученых придерживается иного мнения, полагая, что современные нации сформировались на основе менявшихся, но существовавших веками этнических общностей (*Смит* 2002: 259), в том числе “недоминантных”, которые увидели шансы превратиться в полноценную нацию (*Хрох* 2002: 124).

В качестве реализованного конструирования этнической идентичности приводится пример нациестроительства в СССР (*Тишков* 2003: 195; *Брубейкер* 2012: 109–112; *Хобсбаум* 1998: 264). Этот исторический процесс подробно проанализирован в книге Т. Мартина (*Мартин* 2011). Р. Брубейкер, признавая “важность советской институциональной многонациональной системы” как инструмента построения национальных идентичностей, ставит вопрос о “риске принятия системы идентификации или категоризации за ее предполагаемый результат, идентичность” (*Брубейкер* 2012: 109–112). “Групповость” рассматривается им “как возникающие свойства конкретной структурной или конъюнктурной ситуации” (Там же: 113).

Обратим внимание на другой аспект последствий советского нациестроительства как “кодификации этнических и национальных категорий” (Там же: 111). В результате принудительной классификации ответы на вопросы переписи о национальной принадлежности перекодировались и сводились к заранее заданному списку (*Тишков* 2003: 195). При этом малые народности, этничности, этнические группы, название которых не попало по разным причинам в список национальностей, приписывались к другим более крупным народам и по факту признавались несуществующими, “слишком маленькими и потому подлежащими ассимиляции или этнической консолидации” (*Мартин* 2011: 629–630), т.е. были “деконструированы”, что, по идее, обрекало их на исчезновение.

Конструирования в форме категоризации народов и народностей происходили и в царской России. Причем одна и та же народность в различных документах могла обозначаться по-разному, а критерием мог выступать, скажем, “родной язык”, как было в первой всеобщей переписи населения 1897 г. О значении официальной документации и переписей в деле конструирования этнической номенклатуры писали, например, Б. Андерсон (*Андерсон* 2016), В.А. Тишков (*Тишков* 2003), Р. Брубейкер (*Брубейкер* 2012) и другие.

В статье предпринимается попытка разобраться, насколько эффективным и долгосрочным оказалось такое конструирование/“деконструирование”, каковы были его результаты и реакция населения на насаждение этнических категорий. Эти проблемы рассмотрены на примере астраханских туркмен. При советской власти многие из них принудительно были записаны татарами, на татарском языке как родном шло преподавание в школах. Никакой административной поддержки этой этнической группе не оказывалось, поскольку в официальной номенклатуре она не фигурировала. По факту шло “конструирование” татарской идентичности и “деконструирование” туркменской. В рамках конструктивистских идей такая малая группа должна была со временем утратить или изменить свою идентичность, растворившись в другой “нации”. Что же произошло с астраханскими туркменами в действительности, подтверждается ли такая гипотеза?

Ответам на этот вопрос посвящена настоящая статья, в основе которой лежат полевые материалы, собранные автором и д. и. н. Ш.Х. Кадыровым в 2015 г. в селах Атал, Фунтово 1 и Фунтово 2 Приволжского р-на Астраханской обл. и

в самой Астрахани – проведено более 25 бесед с местными жителями. Наши собеседниками были люди разных национальностей, профессий и увлечений. Среди них активисты туркменских общественных организаций и деятели культуры (Г.Г. Айтеков, З.Г. Туликова, Ш.У. Таганьязов), учителя, представители власти, имамы. Кроме того, был проведен пилотажный анкетный опрос по случайной выборке. Вопросы касались, в частности, этноязыковой ситуации, состава семей, связей с Туркменистаном.

“Трухменские Татары” – астраханские туркмены в XVII–XIX вв.

Научные сведения об астраханских туркменах крайне скудны. В 1769–1770 гг. в Астрахани побывал С.Г. Гмелин, среди прочих он кратко описал и “Трухменских Татар” (Гмелин 1777). Достаточно подробные сведения, полученные от самих астраханских туркмен, приводит П.И. Небольсин (Небольсин 1852), включая родоплеменной состав, расселение, характеристику хозяйства и материальной культуры. В работе Н.И. Веселовского (Веселовский 1884) изложена история получения ими российского подданства в 1778 г.

Астрахань была истари известна туркменским торговцам (Небольсин 1852: 135–136). С середины XVII в. отдельные туркменские роды, кочевавшие на п-ве Мангышлак, стали переселяться в Астраханскую губернию и далее на запад в связи с военно-политическим давлением Хивы и в поисках хорошей земли, а некоторые группы – будучи “покоренными” идущими с востока калмыками. Описано несколько волн перекочевков. Так, в 1671 г. от калмыцких улусов “ушли с енотаевскими (ногайскими) мурзами” абдалы (род, улус) к Астрахани кочевать за Цареву протоку (Курбанов 1995: 23–24). Большинство прибывавших на волжские луга туркмен двигались дальше в ставропольские степи, однако малая часть оставалась здесь (Небольсин 1852: 136–137). В начале XIX в. на Волгу продвинулась новая волна переселенцев, за которыми закрепилось название “Мангышлакские туркмены” (Там же 1852: 127). В 1802 г. туркмены-абдалы, уже “имея в России кровных сородичей”, направляли прошения и получили согласие на получение российского подданства и дозволение поселиться в Астраханской губернии. В 1813 г. около 600 человек (220 хозяйств) прибыли в Астрахань с Мангышлака (Веселовский 1884: 301–302; Небольсин 1852: 138–140). Прощения о принятии в подданство поступали и в 1830–1840-х годах, однако “наше правительство убедилось, что подданство туркмен не доставляет нам никаких выгод, <...> переменило политику” (Веселовский 1884: 302–303).

К 1851 г., по данным П.И. Небольсина, в Астраханской губернии насчитывалось 1699 туркмен – 325 семейств, большинство занимается скотоводством, а 85 семейств, не имеют скота и “пускаются в мазуры, в носильщики, в крючники, весельщики и занимаются в городах иными черными работами” (Небольсин 1852: 141). У туркмен не было своей земли, податей в казну они не платили, им приходилось кочевать на чужих землях и платить “за потраву” с каждой головы своего скота (Там же: 140).

Туркмены относились к племенам Човдурского союза, распавшегося к XVII в. (Курбанов 1995: 32).

“Мангышлакские туркмены” – абдалы, игдыры, бозаджи, а также примкнувшие к абдалам *бурунджик* занимались скотоводством преимущественно на землях кундровских татар (кундровцы, подгруппа ногайцев. – О.Б.). Около трети <...> жили в самой Астрахани или около нее. 99 кибиток човдуров располагались севернее (близ с. Калмыцкий базар и Солянки – селения юртовских татар [юртовские ногайцы. – О.Б.]), западнее Астрахани <...> и по урочищам у Волги (Небольсин 1852: 129–132).

Все човдуры относились к “старым переселенцам” и подчеркивали свое отличие от “мангышлакских туркмен” (*Курбанов* 1995: 56).

В описаниях XVIII в. астраханских туркмен обычно называли “туркменскими татарами”. С.Г. Гмелин пишет: “Саскольский стан, где Трухменские Татары, как подданные Калмыцкие, свое жительство имеют <...> Трухменцы живут по-калмыцки, держатся магометанского закона, говорят особливим татарским языком, однако оный астраханские татары разумеют...” (*Гмелин* 1777: 21–22). Н.И. Веселовский приводит прошение самих мангышлакских туркмен, которое начинается словами: “Мы, нижеподписавшиеся Трухменские Татары”. Оно “подписано татарским письмом” и датировано 1778 г. Н.И. Веселовский замечает, что прошение «очевидно, составлено русским чиновником, так как в нем попадаются выражения, туркменам вовсе несвойственные – вроде “трухменские татары”» (*Веселовский* 1884: 304–306). И.Г. Георги в 1799 г. сообщал о северных туркменах: “...трухменцы, туркомены – без малейшей примеси настоящий татарский народ, обитающий издавна по восточным и западным берегам Каспийского моря и говорящий татарским языком по турецкому наречию” (*Георги* 1799; цит. по: *Сызранов* 2012: 11).

Казалось бы, наименование “трухменские татары” – не более чем оборот речи, характерный для того времени. “Татарами” называли и другие тюркские народы региона. Так, группу ногайцев, появившихся в Астраханском крае в середине XVI в. после присоединения Нижнего Поволжья к Московскому государству, именовали “юртовскими татарами”, а группу ногайцев, оказавшуюся здесь в конце XVIII в., – “кундровскими татарами” (*Викторин, Идрисов* 2011). Однако дальнейшее развитие и туркмен, и ногайцев можно определить выражением “как корабль назовешь, так он и поплывет” – “магия имени” “конструировала” отношение чиновников, а кроме того, влияла на интерпретации исследователей. Замечу, что ставропольских туркмен никогда не называли татарами. В конце царствования Петра I они были “поручены” калмыцким ханам, в 1806 г. туркменские кочевья были отделены от калмыцких, а в 1825 г. образовано Трухменское приставство, что позволило туркменам обособленно жить вплоть до 1917 г. Они несли повинности, в частности кордонную службу, участвовали в военных походах. Во второй половине XIX в. их численность достигала 20 тыс. человек (*Курбанов* 1995: 25, 50–51; *Брусина* 2019: 31–62).

Астраханских туркмен было немногим более 2 тыс. человек, они не платили налогов в казну и не несли какие-либо повинности: “к несению воинской повинности не привлекались” (*Демидов* 1987: 104), оставаясь, видимо, практически незаметными для государства. Они не только обозначались как “татары”, но и жили на землях других групп “татар” под их патронажем. В прошении туркмен (конец XVIII в.) говорится: “Предки наши выехали из Мангышлака в российское подданство... по открытии Кавказского наместничества, подвластных астраханскому обществу астраханских татар” (*Викторин и др.* 2000: 218).

Уже в середине XIX в. П.И. Небольсин отмечал достаточно быстрые темпы ассимиляции астраханских туркмен “татарами”. Он описал родоплеменную структуру туркмен, их социальные институты, нормы обычного права, относительную свободу женщин, своеобразную одежду, лишь “в последнее время” подвергшуюся некоторому влиянию астраханских татарок. При этом он “на глаз” определил последствия браков туркмен с казахами – “От смешения с киргизами туркмены стали скуластыми” (*Небольсин* 1852: 142) – и дал слабо согласующееся с его же описанием заключение: “В течение тридцатилетнего своего пребывания в России “Мангышлакские туркмены” до такой степени сблизились с кундровскими татарами, что теперь очень трудно найти различие между ними во всем, что касается образа жизни, занятий, нравов и обычаев” (Там же: 142).

Впрочем, сообщение Н.И. Веселовского свидетельствует о том, что второе и третье поколения переселенцев отнюдь не утратили представления о своей родине на Мангышлаке, хотя астраханская земля стала для них новым отечеством.

Впоследствии туркмены забыли, что терпели на родине и задумали вернуться на Мангышлак. Наше правительство снисходительно к этому отнеслось и предложило отправить на полуостров разведчиков для осмотра мест и уговора с соплеменниками. Ходоки вернулись с благоприятными вестями, потому что в 1855 году 32 туркменских семейства выселилось из Астраханской губернии на родину. Однако уже в следующем году стали проситься дозволения вернуться в Астрахань. Генерал-губернатор Оренбургской области Перовский разрешил вернуться в целях отрезвляющих на тех, кто остался в Астраханской губернии (*Веселовский* 1884: 302).

“Отатаривание” туркмен по научной литературе

После статьи Н.И. Веселовского “Первое подданство туркмен в России”, вышедшей в 1884 г., сведений об астраханских туркменах в научной литературе практически не встречалось около 100 лет. Они оставались “невидимыми” для властей и исследователей. Лишь в 1987 г. вышла публикация этнографа С.М. Демидова, побывавшего в низовьях Волги в 1959 г.; в ней кратко охарактеризованы история и расселение астраханских туркмен и более подробно описаны их религиозные верования и обряды (*Демидов* 1987).

В 1970-е годы туркмен в ряду других тюркоязычных народов Южного Поволжья обследовал Л.Ш. Арсланов (*Арсланов* 1980). А.В. Курбанов посвятил книгу ставропольским туркменам, но привел архивные данные и об их астраханских соотечественниках (*Курбанов* 1995). В масштабной коллективной монографии “История Астраханского края” (*Викторин и др.* 2000) даны в том числе сведения и архивные материалы и о туркменах. В современный период туркмены на Нижней Волге, как и другие народы региона, исследовались астраханскими этнографами и лингвистами (*Сызранов* 2011, 2015; *Усманова и др.* 2015; *Оку, Викторин* 2017). В 2012 г. вышла книга “Астраханские туркмены: история и современность”, посвященная истории, культуре и фольклору этой этнической группы. В книге научный подход переплетается с изложением народных представлений о своей истории, среди авторов как профессиональные ученые, так и местные краеведы, ряд глав написан совместно теми и другими (*Сызранов* 2012).

В 2000 г. вышло монографическое исследование “История Астраханского края”. В различных официальных документах, которые приведены в разделах о советском и постсоветском периодах и связаны с этническими меньшинствами и национальным строительством, туркмены практически не упоминаются. Так, отмечается, что до 1917 г. в Астраханской губернии было

всего шесть татарских национальных школ, содержавшихся земствами, и 30 религиозных школ при мечетях. Казахское и калмыцкое население вообще было лишено возможности получать начальное образование. Но уже в 1926 г. из 170 начальных и средних школ губернии 95 являлись национальными, 80% детей татарской национальности получали начальное и частично среднее образование в национальной школе (*Викторин и др.* 2000: 725).

Другие меньшинства в данном контексте не упомянуты, туркмены оставались незамеченными и во многих других случаях (Там же: 715–727). В 1930-х годах, когда активно готовились национальные кадры в области образования, речь шла о преподавателях только татарского языка (Там же: 730). Посетивший в 1959 г. Астраханский историко-краеведческий музей С.М. Демидов обнару-

жил, что туркмены не представлены в экспозиции, посвященной народам, издавна проживавшим на территории области (Демидов 1987: 83–84).

Только в постсоветский период астраханские туркмены вышли на официальный уровень. В 1988 г. в Астраханской области было создано общество ногойской культуры “Бирлик” (Викторин и др. 2000: 927). В 1992 г. как его секция оформилось “Туркменское национально-культурное объединение Ватан”, которое лишь в 1994 г. стало самостоятельной организацией (Сызранов 2015: 71). Показательно, что татарское общество “Дуслык”, созданное в 1989 г., претендовало на “курирование” нескольких народов, транслируя историческую память: именно к татарам веками относили большинство тюркоязычных народов Астраханской области. Это было прописано в уставе: “Общество... объединяет в своих рядах лиц следующих национальностей тюркской языковой группы: татар, ногойцев, болгар, карагачей, туркмен” (Викторин и др. 2000: 929).

Исследователи, изучавшие астраханских туркмен со второй половины XX в. до 2000-х годов, фиксировали примерно тот же уровень ассимиляции, что и П.И. Небольсин более века назад. С.М. Демидов пишет, что туркмены проживают разбросанно в нескольких селениях и почти везде составляют меньшинство, полностью ими заселено лишь с. Фунтово (единственное село, где он побывал). В с. Атал туркмены живут бок о бок с татарами, в пос. Яксово (где их несколько семей) – с ногойцами (Демидов 1987: 83–84). Утверждение информантов, что в с. Фунтово проживают лишь “чистые” туркмены, предки которых не вступали в браки с представителями других национальностей, вызывает у автора сомнение, поскольку “метизация отчасти коснулась и жителей этого селения, среди которых встречается немало лиц татарского (ногойского) типа” (Там же: 86). Замечу, что С.М. Демидов не проводил измерений, он определял антропологический тип “на глаз”. Кроме того, по его словам, “элементы татарской (ногойской) культуры, наряду с русской культурой, проникли во все области материальной и духовной жизни здешних туркмен” (Там же). Данный процесс усилился в последние годы. Старшее поколение еще сохраняет некоторые туркменские особенности быта и туркменский язык, хотя и испытывавший влияние соседей, в языке же молодежи преобладают татаро-ногойские элементы, а некоторые туркмены указали татарский в качестве родного при переписи 1959 г. (Там же: 84–87). Этнолингвист Л.Ш. Арсланов, побывавший в туркменских селах в 1978 г., пишет:

Элементы языка юртовских татар представлены больше всего в селе Фунтово 1 и Фунтово 2, что объясняется близостью и интенсивностью прежних контактов с карагашами, наличием сравнительно большого количества смешанных браков <...> Таким образом, туркменские говоры <...> испытали значительное влияние языка юртовских татар, частично городских казанских татар и мишарей, приобрели ряд черт языков кыпчатского типа (Арсланов 1980: 81–82, 84).

Астраханский исследователь А.В. Сызранов обратил внимание, что “в брачных связях туркмены активно взаимодействуют с соседними народами, в первую очередь с ногойцами и татарами. Это привело к широкому распространению татарского языка, не говоря уже о повсеместном владении русским” (Сызранов 2015: 69). Упомянутые выше авторы ссылаются на П.И. Небольсина и как бы вторят друг другу, оценивая частоту смешанных браков и степень влияния татар и ногойцев на язык и бытовую культуру, хотя статистика браков не рассчитывалась, методология выявления культурных заимствований и сравнительный материал не представлены, а специальное лингвистическое исследование провел только Л.Ш. Арсланов. Представляется, что ученые могли неосознанно воспроизводить сложившийся стереотип, сообщая об ассимиляционных процессах у астраханских туркмен.

Статистические данные об астраханских туркменах

Данные переписей населения Астраханской области (до 1928 г. – Астраханская губерния, с 1928 г. – Нижне-Волжский район, с 1939 г. – Сталинградская область) не подтверждают оценок исследователей о постепенном растворении туркмен в татаро-ногайском окружении. Цифры показывают, что на протяжении полутора веков среди астраханских народов неизменно присутствовали туркмены. Из Табл. 1 видно, что они сохраняют родной язык и идентичность; их численность колебалась от десятилетия к десятилетию, но в целом наблюдалась тенденция к росту, исключая предвоенный и послевоенный периоды.

Таблица 1

Численность и родной язык туркмен в Астраханской области по данным переписей населения (человек)**

Год	1849*	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Туркмены всего	2333		1401	1412	1125	1389	1626	2288	2154	2286
В т.ч. с родным туркм. яз.			1221					2100***		2033
С родным русск. яз.			0					103***		
С другим родным языком			180					85***		
Грамотные всего			366							
В т.ч. на языке своей народности			257							
Всего назвавших туркм. яз. (наречие) родным либо им владеющих		976								2234

* Данные по 1849 г. из: *Небольсин* 1852.

** ЭА ИЭА РАН; ВПН 1926: 462–466; ВПН 2010.

*** По данным из: *Курбанов* 1995: 84.

Во второй половине XIX в. образовались туркменские селения Фунтово, Атал и туркмено-ногайский пос. Учтамак – его жители в советское время переселились в г. Астрахань. В.М. Викторин убедительно связывает появление сел у полукочевых туркмен с указом 1862 г. о наделении землей для ведения хозяйства (*Сызранов* 2012: 13–14). С.М. Демидов также относит появление первого туркменского оседлого с. Фунтово к 1861 г. (*Демидов* 1987: 85). То есть, получив землю, большая часть астраханских туркмен перестала арендовать пастбища у карагашей, кундровских и юртовских “татар” (ногайцев) и стала жить обособленно в стационарных селах.

Табл. 2 дает представление о расселении туркмен в Астраханской области в XXI в. Они сконцентрированы в селах Атал, Фунтово 1 и Фунтово 2 Приволжского р-на. Около 12% туркмен живут в Астрахани, куда вошел бывший туркменский пос. Вахитово, незначительная часть туркмен распределена по другим населенным пунктам.

Таблица 2

**Численность туркмен в городах и районах Астраханской области
по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.***

Город, район	Человек
г. Астрахань	249
г. Ахтубинск	13
г. Знаменск	8
Ахтубинский р-н	9
Володарский р-н	16
Еногаевский р-н	2
Икрянинский р-н	13
Камызякский р-н	42
Красноярский р-н	38
Лиманский р-н	1
Наримановский р-н	34
Приволжский р-н	1722
Харабалинский р-н	1
Черноярский р-н	6
Всего	2154

* Составлено по: ЭА ИЭА РАН.

Таблица 3

**Численность и национальный состав населения сел Атал,
Фунтово 1 и Фунтово 2 Приволжского (в 1980 г. Наримановского) р-на
Астраханской обл. (человек)***

Село	Атал		Фунтово 1		Фунтово 2	
	1980	2010	1980	2010	1980	2010
Всего населения	532	643	617	1061	346	430
В том числе:						
– туркмены		493		798		273
– татары		85		120		39
– русские		16		91		42
– аварцы		1				20
– табасаранцы				1		10
– казахи		40		30		21
Всего хозяйств	143		140		80	

* Данные из: Курбанов 1995: 69–70; ЭА ИЭА РАН (Всероссийская перепись населения 2010 г.).

Табл. 3 показывает, что в трех селах Приволжского р-на преобладают туркмены (Атал – 77%, Фунтово 1 – 75%, Фунтово 2 – 63,5%), а татары составляют соответственно 13, 11 и 9% населения. Причем число жителей в этих селах заметно выросло с 1980 по 2010 гг., как и число самих туркмен.

По данным статистики, а также сведениям из научной литературы и наших полевых материалов, можно проследить динамику численности не только астраханских туркмен в целом, но и отдельных племен и родов, а также их расселение.

Таблица 4

Численность и распределение племенных подразделений туркмен по населенным пунктам Астраханской области с 1849 по 2015 гг. (человек)*

Племя, где живут	Годы	1849	1959	1980	2002	2010	2015
Абдалов, всего		1065	700	963			
– в т.ч. в Фунтово 1 и Фунтово 2			700	963 (220 хоз-в)		1071	Все
– в т.ч. в Астрахани		416** (80 семей)					
Бурунджик, всего		Незначит. кол-во примкнуло к абдалам	40*** (10 семей)				В оставе абдалов
– в т.ч. в Фунтово 1 и Фунтово 2							Все
– в т.ч. в Атале			40*** (10 семей)				
Игдыров, всего		495	160–200*** (40–48 семей)	532			
– в т.ч. в Атале			160–200*** (40–48 семей)	532 (143 хоз-ва)		493	Все
– в т.ч. в Астрахани		26** (5 семей)					
Бозаджи, всего		140	8–12*** (2–3 семьи)				В сост. абдалов
– в т.ч. в Фунтово 1 и Фунтово 2							Все
– в т.ч. в Атале			8–12*** (2–3 семьи)				
– в т.ч. в Астрахани		26 (5 семей)**					
Човдуров, всего		633					
– в т.ч. в Наримановском р-не		ок. 500					
– в т.ч. в Астрахани		130 (25 семей)**					
Всего туркмен в г. Астрахань		ок. 600	Отд. семьи абдалов. В Вахитово абдалы и игдыры		249		
Всего туркмен в других нп: – Приволжского р-на		ок. 500	Неск. семей в Яксатово		158		
– Наримановского р-на			Ж/д. ст. Линейное (абдалы, бурунджик)		34		

* Данные на 1849 г. из: *Небольсин* 1852: 129–133; на 1959 г. из: *Демидов* 1987: 84; на 1980 г. из: *Курбанов* 1995: 56, 69–70; на 2002 и 2010 гг. – из: ЭА ИЭА РАН; на 2015 г.: ПМА 1, 2.

** Данные приведены из расчета: 122 кибитки (семьи) – это 633 человека (*Небольсин* 1852: 131).

*** Данные о количестве хозяйств приведены из расчета: в одном хозяйстве в среднем 4 человека (*Демидов* 1987: 84).

Табл. 4 показывает, что в 2010 г. численность всех туркмен в Астраханской области, а также отдельно абдалов (с примкнувшими к ним родами бозаджи и бурунджик) и игдыров практически сравнялась с показателями середины XIX в., хотя вплоть до 1970-х годов наблюдалось ее значительное снижение, а с 1990-х годов – резкий рост. Аналогичная динамика численности характерна и для ставропольских туркмен (Брусина 2019: 22–23, 64–65, 72).

Что касается 633 человек из туркменского племени човдур, зафиксированных П.И. Небольсиным в 1849 г., то их следы в Астраханском крае теряются. Возможно, их потомки живут в самой Астрахани и в отдельных районах области, часть, видимо, ассимилировалась, а часть, вероятно, откочевала через станцию Линейное на запад в ставропольские степи.

Таким образом, большинство астраханских туркмен на протяжении почти двух веков идентифицировали себя именно как туркмены, сохраняя родной язык и родоплеменное деление, по крайней мере, это можно утверждать в отношении жителей трех туркменских сел и частично – самой Астрахани.

История и племенная структура астраханских туркмен в их собственных преданиях и интерпретациях

В преданиях астраханских туркмен история их появления на Нижней Волге уходит в начало XVIII в. и связывается с выдающимися туркменскими деятелями: знатным и богатым Ходжи Непесом и основоположником туркменской литературы Махтумкули Фраги. Удревнение своего пребывания в Астрахани, включение высоких имен в историческую память способствует повышению этнической самооценки и статуса в глазах туркмен, легитимирует места их поселения. Астраханский поэт и краевед Ш.Т. Таганьязов связывает приход мангышлакских туркмен с деятельностью “старшины абдальского рода Ходжи Непес молло, сподвижника Петра I”, инициатора и участника Хивинского похода 1717 г. в Среднюю Азию (Сызранов 2012: 10). “Ходжи Непес в 1730 г. привел сюда туркмен”, а Багата (будущее Фунтово 2) на бугре Калмык тепе образовалась в 1653 г. (ПМА 2: Ш.У. Таганьязов). По преданию, в 1760–1790 годы в этом селе останавливался Махтумкули Фраги. В 1793 г. он помог составить грамотный текст повторного обращения к власти и благодаря его дипломатическому таланту туркмен зарегистрировали как жителей Астраханского края. Ныне в Фунтово 2 живут Ходжанепесовы, которые ведут свой род от легендарного Ходжи Непеса (ПМА 2: Ш.У. Таганьязов, Ходжанепесовы; Сызранов 2012: 10).

Местные жители рассказывали, что в 1813 г. в эти места приехали игдыры, которые ушли от хивинского хана Мухамеда Рахима (годы правления 1806–1825). Село Атал образовалось в начале XIX в., когда туркмены стали оседать на буграх (тепе). Фунтово 1 появилось еще раньше, названо оно в честь местного полицмейстера Иосифа Фунта. В начале XX в. туркмены по-прежнему “кочевали” на расстоянии 8–10 км от своего села и охотились. На территории с. Атал была зимовка, а на летом расходились по разным ставкам: “...за речкой есть бугор, там были наши пастбища. Но праздники все вместе справляли” (ПМА 2: Ш.У. Таганьязов; ПМА 1: Айтековы).

О конструировании исторической памяти и репрезентации прошлого, исходя из текущих потребностей и задач, писали многие авторы (см., напр.: Брубейкер 2012: 290–295). Другой вопрос, насколько далеко в прошлое уходят воспоминания астраханских туркмен о реальных событиях? С.М. Демидов сообщает, что “в народе сохранилась память о том, что в <...> середине XIX в. значительная часть астраханских туркмен вновь вернулась на Мангышлак <...> в 1861 году они вернулись назад, где и осели... не прекращая, однако, занимать-

ся скотоводством” (Демидов 1987: 85). Этот эпизод имел место в действительности, о нем писал еще Н.И. Веселовский (см. приведенную выше цитату) – хотя с его статьей С.М. Демидов, судя по всему, знаком не был.

Наши информанты сообщали о давних связях ставропольских туркмен с жителями Астрахани. Так, предки Замира Юнусова до революции были купцами, имели в Астрахани большой магазин, дома и другую недвижимость. При советской власти их имущество экспроприировали, и дед Замира обосновался в ставропольском селе (ПМА 3: 3. Юнусов). Аналогичные сведения есть и у А.В. Курбанова. Он пишет, что в Астраханской губернии в конце XIX–XX в. проживали по билетам несколько сотен северокавказских туркмен. Часть из них переселилась в 1915–1917 гг. в Ставропольский край к своим сородичам (Курбанов 1995: 62).

Наши информанты говорили, что в 1918–1919 гг. были образованы Аталский и Фунтовский сельсоветы (ПМА 1, 2), что подтверждается архивными источниками (ГААО). В исторических преданиях подчеркивается независимость, благосостояние и многочисленность астраханских туркмен:

Наши туркмены были басмачами – среди них было много богатых, баев. В южном районе Астрахани есть Вахитовка, там жило 8–9 тыс. туркмен. Все купцы были туркмены, предприниматели, большинство богатых. Они имели скотину в Атале, но жили в Вахитовке. При раскулачивании в Атале остались нищие, а “кулаки”, т.е. баи, предприниматели – их выдавили из села, и они уехали в Вахитовку <...> Селились по тохамам (родам. – О.Б.). Раньше каждый туркменский род был на своем бугре, а когда пошла коллективизация – давай объединяться, собрали в кучу. А наши туркмены говорили: я сам хозяин, ведь каждый коней держал. Недовольных ссылали в Дагестан, отправляли в Туркмению (ПМА 1: Айтековы).

От поколения к поколению передавалось родоплеменное деление туркмен. Племенная принадлежность шла по мужской линии и оставалась неизменной, а родовая частично менялась: ру (род) мог угаснуть или слиться с другим, мог возникнуть новый вследствие разделения семейно-родственной группы. В прежние времена туркменские народности (племена) держались обособленно и считались эндогамными, а ру (уруги), на которые они делились, – экзогамными. Ныне абдалы и игдыры живут в разных селах одного района, хотя поддерживают тесные отношения. Пример появления новых родов у абдалов – присоединение к ним двух прежде независимых племенных подразделений бозоджи и бурунджек. Родство считалось до четвертого поколения. Брачные союзы между представителями одного рода заключать не полагалось, и сейчас это, как правило, не приветствуется (ПМА1: Айтековы, Гультухамедовы).

Таблица 5

Родовые названия у ставропольских и астраханских туркмен*

Племенное подразделение Абдал	
1849 г.	2015 г.
Бозаджи – независимый от абдалов род (племя): – кумечи; – керсенчи	Бозоджи
Бурунджик – отдельный род (племя), примкнувший к абдалам	Бурунджек (“вошедший”)
	Галбар

	Гёкдай
	Гекирбай
Дали	Дэли (“сумасшедший”)
	Каракушак
	Кызылэргенек (поселок под г. Дашогуз; племя у ногайцев)
Угры (огры)	Оругы (“вор”)
Менглиходжа	Меглихон (одноименный поселок есть под г. Дашогуз, Туркменистан)
	Уаныш
Курбан	

Племенное подразделение Игдыр

1849 г.	1980-е годы	2015 г.
Астраханские туркмены	Стравропольские туркмены	Астраханские туркмены
Яхшиходжа	Яхшиходжа (“хороший ходжа”)	Яхшиходжа
Кыргыз	Киргиз: – бочанар; – конрат; – мунал; – мундугу	
Махмуд – махмуд	Мамыт (имя собственное)	Мамыт – акмамыт (мамлюки); – гарамамыт
Подотделы рода махмуд: – тебер;	Тебер (“пинающий”, имя силача) – отдельный род	Тевер (имя силача) – отдельный род
– кулдаглы;	Голдаглы (имеющие тамгу в виде руки) – отдельный род	Голдаглы – отдельный род
– дёзмыш;	Дюзмюш (“строители”) – отдельный род	
– казайяклы	Казаяклы (“имеющий тамгу в виде гусиной лапки”) – отдельный род: – геен (“переодевшиеся”); – кызылбаш (“красного-ловые”); – орусут (“имя”, “русский”); – салырказан (родовое имя “салыр + котел”); – хыдырали; – якуб (“имя”)	
Кёк (коклер)	Гёклер (“голубые”, “упал с неба”)	Гоклер (“экономные”, “упрямые”): – гёгюнгызылы; – гёгунгёги; – хыркмерген (“40 раз-бойников”); – гёк-гочкар (“новый”, “с неба упал барашек”)

* Данные на 1849 г. из: *Небольсин* 1852: 129–133; на 1980-е годы из: *Курбанов* 1995: 36–37; на 2015 г. из: ПМА 1: Айтековы, Гульмухамедовы; ПМА 2: Ш.У. Таганьзов.

Родоплеменное деление имеет функциональное значение в современной жизни. Практически все из 29 заполнивших анкеты жителей Атала и Фунтово (кроме одной русской и одной татарки) указали свое племя, 25 абдалов и игдыров (кроме двух йомудов) написали также род, причем женщины обозначили и род мужа. У каждого *ру* были свои тамги, иногда их начертание маркирует древность рода и высокое происхождение: “У нас тамга огузская сохранилась в виде рогов” (ПМА 1: Г.С. Гульмухамедова). Тамгой клеймили скот, вообще – это знак рода, ее чертили на воротах. И сейчас на могилах ставят тамгу, причем у женщин ставят две тамги: верхнюю – по мужу, нижнюю – девичью (ПМА 1: Н.Ф. Айтекова, Рауль).

В роде есть по несколько *тохумов* (фамилий). Когда человек умирает, заходят проститься кровные родственники (члены тохума), поэтому “мы должны знать, кто родственник по крови”. “Большую роль в тохуме играют старшие, они координируют всю группу, назначают, какое мероприятие провести”. Впрочем, совет старейшин, как структура самоуправления, видимо, потерял свое значение 30–50 лет назад. “В 1970–1980-е годы старики собирались, обсуждали дела – если надо помочь кому-то, или устроить праздник”. И в наши дни в селах есть проявления общинности: “...если мулла говорит, что нужна помощь, то все сдают деньги, что-то делают сообща” (ПМА 1: Айтековы; ПМА 2: З.Г. Туликова).

В исторических преданиях астраханских туркмен переплетены легенды, в которых далекое прошлое предстает в выгодном свете, и память о событиях, имеющих реальную основу. Воспроизводятся представления о родоплеменном делении, которое до сих пор маркирует низший уровень идентичности и играет свою роль в формировании внутриаэтнических отношений.

Насильственная татаризация и туркменская идентичность

В народной памяти сохранился сюжет о том, как советская власть пришла к туркменам. Информанты говорят, их бабушки рассказывали, что “русские (имеются в виду представители местной власти. – О.Б.) нас собрали в кучу. Спрашивают нас: а кто вы [по национальности]?” (ПМА 1: Айтековы, Гульмухамедовы). Первое знакомство советских чиновников с туркменами могло произойти в 1925 г. Судя по документам, обнаруженным С.С. Плюцинским, вопрос о туркменах поднимался ВЦИК осенью 1925 г. в связи с районированием Астраханской губернии. Похоже, чиновники прежде не слышали о туркменских селах и растерялись: что же с ними делать? Высказывались невероятные предложения об экстерриториальном переподчинении Туркменской ССР сел Атала, Фунтово 1 и Фунтово 2 и даже о “выселении туркмен за пределы губернии в Туркменистан”, о создании национального туркменского района в губернии. Все они были отклонены. ВЦИК предложил губисполкому “усилить обследование туркмен, учтя национальные и бытовые условия и особенности” (*Плюцинский* 2010: 169–170).

Спустя несколько лет туркмен стали насильно записывать татарами. “Советская власть хотела создать здесь татарскую автономию, для этого надо было набрать 40% татар. Пытались поднять процент татар, ими записывали кумыков, туркмен” (ПМА 2: З.Г. Туликова). Действительно, в этих местах с 1931 по 1944 гг. был Наримановский татаро-ногайский национальный район (*Викторин, Идрисов* 2006). Национальные районы и сельсоветы создавались для “коренных” “культурно отсталых национальностей”, которые получали различные льготы и использовали этничность в качестве “социального капитала”. Культурно отсталыми были признаны и татары, но только вне Татарстана (*Мартин*

2011: 200–201, 234–235). Предположу, что решающее значение при создании Наримановского национального района имело принятое в начале 1930 г. постановление ЦК ВКП(б), запрещающее применять на таких территориях жесткие методы и быстрые темпы коллективизации (Там же: 406).

Половина села Атал была записана татарами при Сталине, а уже потом в селах стали туркменами записываться. Сейчас те, кто был записан татарами, и их потомки говорят: “Мы – туркмены”. У моих знакомых один брат записан татарин, другой – туркмен. В туркменских семьях, куда вошли в качестве жен татарки (по паспорту), в советский период дети записывались по-разному, например: два сына туркмены, а еще двое – дочь и сын – татарами (ПМА 1: Айтековы, Гультухамедовы).

Аналогичная история произошла в Астраханской области и с ногайцами, несмотря на образование Наримановского татаро-ногайского района.

Между 1926 и 1939 годами все группы астраханских ногайцев в связи со сталинской политикой интеграции малых народов в более крупные общности в переписях были причислены к татарам <...> Вплоть до 60-х годов проводилась их татаризация в культуре и языке. Позже даже появилось терминологическое определение “астраханские татары” (Викторин, Идрисов 2006).

Туркмены же не были ассимилированы в такой мере. У сельских туркмен этнические границы четко отделяют их от соседей даже на общей территории: “... общее кладбище сел Атал и Нартовское разделено на две части – для нартовских казахов и туркмен Атала” (ПМА 1: Г.Г. Айтеков). В близлежащих селах туркмены-мужчины даже в смешанных браках продолжают позиционировать свои семьи как туркменские: “...вокруг нас много соседних сел: татарских, ногайских, русских. Есть с. Татарская Башматовка, там живут 5–6 семей туркмен, они женились на татарках, но не растворились, помнят свою историю” (ПМА 1: Г.Г. Айтеков).

Более размыто самосознание у бывших туркмен с. Вахитово, вошедшего в состав Астрахани (район города так и называется – “Вахитовка”). До сих пор туркмены, живущие в городе, концентрируются именно здесь. Их “всех татарам записали”, причем

те, кто в городе жил, так и остались татарами. Они говорили: мы хорошо живем, зачем нам менять национальность? В этом районе остались только старики, которые считают себя туркменами <...>

Моя сестра вышла за татарина, живет в Вахитовке на ул. Курман-Газы. Есть здесь Туркменский переулок, где несколько туркменских семей живут. В 1997 г. у нас была свадьба, я в Вахитовку приехал: родня жены там живет, там же справляли свадьбу со стороны невесты. Там в основном живут туркмены отатаренные (ПМА 1: Айтековы, Гультухамедовы).

Данные переписей подтверждают, что, несмотря на политику татаризации, в обособленных селах Приволжского района туркмены в основном сохраняют этническое самосознание. Те же, кто обосновался в самой Астрахани, постепенно принимают татарскую идентичность, поскольку живут в многонациональной городской среде, где, как правило, индивидуалистические стратегии берут верх над сложными этническими, родственными и земляческими отношениями.

Обучение “родному” татарскому языку и сохранение туркменского диалекта

Информанты не четко представляли, на каком языке обучались их прадеды, ясно только, что русского они не знали. “Раньше все владели арабским языком,

все были образованные” (ПМА 1: Х.Х. Айтекова). “Перед революцией были безграмотными, так как русский не знали” (ПМА 2: З.Г. Туликова). Родившийся до революции дед нашего информанта, “по-туркменски читал, а по-русски был безграмотным” (ПМА 2: И.Т. Туликов). Причем респонденты утверждали: “Мы туркменский язык никогда не изучали” (ПМА 1: Туликовы, Гульмухамедовы). Скорее всего, их обучали писать арабицей по-татарски, поскольку школ для других этнических меньшинств не было (*Викторин и др.* 2000: 725), но сами туркмены могли приспосабливать арабицу к родному диалекту туркменского языка.

Когда в 1930-х годах советская власть стала записывать туркмен татарами, в села “послали учителей-татар” (ПМА 2: З.Г. Туликова), “заставляли учить татарский язык” (ПМА 1: Г.Г. Айтеков). “В 1937 г. в Фунтово школу построили. Обучались по-татарски. Урок русского языка был один в неделю. А с 1960 г. здесь стала семилетка на русском языке” (ПМА 2: Туликовы). Фунтовскую школу закрыли в 2010 г., и детей стали возить в соседний поселок (ПМА 2: А.Р. Кутлалиев).

Между собой жители сел говорили по-туркменски, писали, сочиняли стихи и песни они на родном языке, слушали народный эпос в исполнении *бахши*. “Кто на фронт уезжал, они писали письма по-туркменски латинскими буквами. Мой дядя Умармулла писал с фронта стихами” (ПМА 2: Ш.У. Таганьязов). Народная поэтесса Айшахан в начале 1960-х годов училась в начальной школе с. Атал, а потом и в интернате с. Карагили на татарском языке: “Придя в 1 класс, мы не знали татарский, т.к. говорили по-туркменски. Учительница была татарка. Русский в интернате преподавали как иностранный два раза в неделю” (ПМА 1: А.К. Худайбердиева). Восьмилетку Айшахан окончила в татарско-русском с. Яксатово, десятилетку – в татарском с. Башматовка. С юности девушка писала стихи по-туркменски “татарскими буквами” на светские сюжеты: о любви, о подвигах отца и его друзей в Великую отечественную войну. Директор клуба с. Атал говорила ей: “Давай, Айша, пиши стихи и песни, а то мы поем татарские песни” (ПМА 1: А.К. Худайбердиева). Сейчас песни на стихи Айшахан и других народных поэтов исполняют как сами жители на праздниках и семейных торжествах, так и фольклорные ансамбли (ПМА 1: Г.Г. Айтеков, Х.Х. Айтекова; ПМА 2: Туликовы, Ш.У. Таганьязов; *Сызранов* 2012: 40–44).

В 1960–1970-х годах детям в школах приходилось обучаться на нескольких незнакомых языках, что ставило их в сложнейшее положение. “Наше село Атал обособленно жило. Вокруг пионерлагеря были, но мы тех ребят не понимали” (ПМА 1: Айтековы). В семьях и в детском саду говорили по-туркменски. В начальной школе с. Атал преподавание велось по-татарски, и ученики “на ходу” осваивали этот язык, в пятый класс их переводили в русскую школу пос. Яксатово. “По 4-й класс в интернате только татарский был, а тут – немецкий и русский, а русского мы не знали” (ПМА 1: Айтековы, Гульмухамедовы). Позднее школу в Атале закрыли, детей стали возить в Яксатово, где преподавали татарский и русский языки. СМИ на туркменском никогда не существовало (ПМА 2: А.Р. Кутлалиев). В результате такого обучения жители сел Фунтово и Атал стали даже не билингвами, а многоязычными: “Мы татар, башкир, ногайцев, казахов, уйгуров, узбеков понимаем” (ПМА 1: Айтековы). А русским языком они владеют в совершенстве.

Наши информанты дали исчерпывающее объяснение тому, почему десятилетиями считалось, что их родной язык насыщен татарскими и ногайскими элементами и находится на грани исчезновения. “Раньше у нас не было своих историков, журналисты и ученые – ногайцы и татары – приезжали сюда, изучали туркмен. Мы с ними по-ногайски говорили, а с татарами – по-татарски,

эти ученые и записали, что мы потеряли родной язык, говорим по-татарски и по-ногайски. А мы же из вежливости с ними так говорили” (ПМА 2: Туликовы, Ш.У. Таганьязов).

Астраханские туркмены говорят между собой на особом диалекте туркменского языка, близком к човдурскому, похожий диалект и у ставропольских туркмен, он заметно отличается от текинского (ашхабадского), на котором основан литературный язык (*Брусина* 2019: 173–177). “Наш язык – старотуркменский, а ашхабадских туркмен не понимаем, так как у нас другой диалект” (ПМА 2: З.Г. Туликова). В 1990-х годах, когда стали налаживаться связи с Туркменистаном, здесь появились учебники туркменского литературного языка, но преподавание его так и не началось, одна из причин – своеобразие местного диалекта (ПМА 2: З.Г. Туликова). “Мы слышали текинский диалект от студентов, которые приехали учиться из Туркмении – это ашхабадский диалект, они его изучают. В 2012 г. в Астрахани были Дни туркменской культуры, мы приехавших туркмен не понимали” (ПМА 1: Айтековы, Гультухамедовы).

Слова информантов подтвердили лингвисты. В 2017 г. села Фунтово и Атал посетили тюрколог и этнограф В.М. Викторин и преподаватель туркменского языка Токийского университета иностранных языков Масахино Оку. Они выявили два поддиалекта човдурского диалекта: “фунтовский” (“абдальский”) и “атальский” (“игдырский”):

...во внутреннем общении жителей <...> звучит собственно т у р к м е н с к и й по сути язык <...> Притом сохранился он, в своей основе, именно в старинных формах. Этим туркменским языком – диалектом, в его здешних говорах, владеют в сёлах поголовно все, начиная от маленьких детей <...> Практически все туркмены-сельчане хорошо знают соседний татаро-ногайский диалект <...> все они чётко осознают отличие данной языковой формы от родной, туркменской, – и никогда не смешивают их в потоке своей речи <...> Во взрослых возрастных группах сохранено знание собственного и специфического здесь туркменского фольклора (Оку, *Викторин* 2017).

Более 90% принявших участие в пилотажном опросе хотели бы, чтобы они сами и их дети изучали письменность родного туркменского языка. Пожилые туркмены выражали обеспокоенность, что внуки уже редко говорят друг с другом по-туркменски, они понимают язык, но предпочитают русский. Мало кто может писать на своем языке (ПМА 1: Х.Х. Айтекова). Наши информанты нашли школьного учителя-туркмена, стали брать у него уроки литературного языка (текинского диалекта) для себя, для детей (ПМА 1: Г.Г. Айтекова, Н.Ф. Айтекова). Молодежь занималась самообразованием: “...я сам по словарю учил правописание родного языка на основе литературного. 90% нашего населения не пишет по-туркменски” (ПМА 1: Рауль). Местная администрация не была озабочена этим вопросом: “Некоторые родители хотели, чтобы дети изучали туркменский язык. Но он не очень отличается от татарского. Хотя, с другой стороны, зачем изучать, мы и так знаем язык” (ПМА 2: А.Р. Кутлалиев).

Были ли межэтнические браки?

Выше говорилось, что в научной литературе прошлых лет устоялось мнение о распространенности среди туркмен браков с татарами, ногайцами и казахами, что свидетельствует об ассимиляционных процессах. Наши полевые материалы говорят об обратном:

Насчет женитьбы у нас жестко было, не дай Бог – с татарами, с казахами, с русскими сойтись. Причем был строгий порядок: старшие братья – они должны были жениться первыми. Можно было из Фунтово взять (ПМА 1: Г.С. Гультухамедова);

Еще в 1970-е годы бабушка говорила моему отцу: если ты женишься на татарке, я свадьбу не буду делать (ПМА 1: Н.Ф. Айтекова);

Раньше старались брать невесту внутри села, а сейчас по национальности (туркменской). Мы берем чаще внутри Атала, а сейчас и с фунтовскими женимся (ПМА 1: Айтековы);

Для меня национальность девушки для женитьбы имеет значение, т.к. мои дети должны знать родной язык (ПМА 1: Рауль).

Информанты подчеркивали, что молодые туркмены лучше воспитаны, чем их сверстники других национальностей, и берегут традиции. “Молодые первые должны старшим подавать руку, пить и курить при них нельзя. А у татар по-другому <...> Сейчас осовременились. Но наши девушки правильнее воспитаны, чем другие. У нас калым платят, а на татарке – пожалуйста, так женись” (ПМА 1: Айтековы). С 1990-х годов круг возможных брачных партнеров расширился после восстановления связей между астраханскими и ставропольскими туркменами: “Фунтовские крадут ставропольских девушек на свадьбах – сюда привозят, уговаривают невест” (ПМА 2: Туликовы). В 2000-е годы с ростом социальной мобильности для молодых туркмен, которые “берут” в свою семью невесту, выбор стал еще шире:

Раньше замкнуто жили в селе – только туркмены, а молодежь сейчас подвижная. С 2000-х годов стала уменьшаться доля туркмен в основном за счет смешанных браков. Сюда привозят невест других национальностей, и наши невесты иногда уходят в другие села (ПМА 2: А.Р. Кутлалиев);

А сейчас можно жениться на ком хочешь, у меня сноха казашка. А у другой туркменки все дети на русских девушках женаты (ПМА 1: Г.С. Гульмухамедова).

Для мужчины женитьба на иноэтничной девушке считается вполне допустимой – такая семья, оставшись жить в туркменской среде, будет считаться туркменской по мужу, и дети наследуют туркменскую идентичность (ПМА 1: Г.С. Гульмухамедова). “Когда на русской женятся, ей делают никах, дают мусульманское имя, хоронят на мусульманском кладбище. Сейчас почти половина браков с другими нациями, с казаками много. У нас так – лишь бы жили хорошо” (ПМА 2: З.Г. Туликова). Почти у всех участников пилотажного опроса есть родственники других национальностей: татары, казахи и русские, но их не много. О небольшом числе смешанных браков в недавнем прошлом говорит доля туркмен в составе населения Атала, Фунтово 1 и Фунтово 2 в 2010 г.: 77, 75 и 63% соответственно. Это подтверждают и полевые материалы последних лет астраханских исследователей: в Атале “девушки обычно выходили замуж за своих односельчан или за фунтовских туркмен. До 1940–1950 годов <...> межнациональные браки не поощрялись и даже осуждались” (Усманова и др. 2015: 70).

Укрепление идентичности благодаря связям с туркменами Ставрополя и Туркменистана

В советский период астраханские туркмены жили обособленно и мало контактировали со своими соплеменниками в соседнем Ставропольском крае. Причиной стала колхозная система: “Раньше паспортов не было у колхозников, не имели право уезжать” (ПМА 1: Айтековы, Гульмухамедовы). С начала 1990-х годов контакты возобновились. После посещения Астраханской области делегацией «Организации туркмен Ставропольского края “Ватан”» завязались дружеские и деловые отношения: туркмены стали приглашать друг друга на праздники, фестивали, заниматься совместным бизнесом, ездить друг к другу

в гости, на свадьбы, присматривать невест. Особые связи установились между с. Атал и ставропольскими аулами Эдельбай и Башанта – и там и там живут игдыры, обнаружившие родство между собой в прежних поколениях. Восстановление отношений стало радостным событием, поддержавшим туркменскую идентичность у автономно развивавшихся жителей сел Атал и Фунтово.

Ощущение себя туркменами в Астраханском крае подкреплялось близостью к закаспийским туркменам. Даже простое осознание того, что рядом расположено государство, где туркмены являются титульным народом, придавало особый смысл этнической идентичности астраханских туркмен, которые чувствовали свою принадлежность к общетуркменской культуре. Связи с Туркменией существовали и при СССР, а в постсоветский период приобрели значение межгосударственного сотрудничества. Еще в 1930-х годах родственники наших информантов из Атала “поехали в Туркмению посмотреть, может там лучше жить, один потом занял высокую должность на Кара-Богаз-Голе” (ПМА 1: Айтековы). В советское время астраханских призывников нередко посылали служить в войсковые части Туркмении, туда же отправлялись на учебу в вузы, в поисках супругов – “ездили жениться, и девушки тоже выходили туда замуж” (ПМА 2: З.Г. Туликова). Из Туркмении в Астрахань направляли “стройотряды”: “Раньше в совхозе Фунтовский выращивали овощи, помню, брали сюда из Туркмении студентов для полевых работ в 1987–1989 гг. – десантом” (ПМА 2: А.Р. Кутлалиев). Между астраханскими и закаспийскими туркменами существовали брачные и родственные связи, которые способствовали дальнейшему наращиванию отношений. Туркмения рассматривалась не только как историческая родина, но и как “спасительный тыл”. Закаспийские туркмены тоже считают Астрахань “запасным аэродромом”, где можно найти новую родину и соплеменников.

У меня много родственников в Туркменистане: в Чарджоу, в Ашхабаде, Мары. Кто-то из наших еще до войны туда уехал, кто-то ушел, чтобы в войну не идти в армию. И до революции были родственники в Туркмении. Мою сестру выдали замуж туда, не по любви: старики из Туркмении и здешние сговорились. Она там четырех детей родила, сейчас все они здесь живут. Я после учебы служил в армии в Ашхабаде. Когда я говорю по-ашхабадски, меня здесь не понимают (ПМА 2: И.Т. Туликов).

В Астрахань переселялись закаспийские туркмены, в том числе вступившие в браки с местными. Поэтесса Айшахан так “встретила свою любовь”: ее будущий муж приезжал в Астрахань по делам из Ташауза. После свадьбы он получил российское гражданство и остался жить в Атале (ПМА 1: А.К. Худайбердиева). Многие информанты из Астрахани бывали в Туркменистане, чаще всего по приглашению родственников или знакомых.

Признание Туркменистана исторической родиной, а его населения – этническим ядром не отменяет наличия локального самосознания. За два века изолированного развития у астраханских туркмен сложились: особый комплекс культурных традиций, диалект, идентичность, которая поддерживалась преобладанием браков внутри группы. Аналогичные процессы шли у ставропольских туркмен, обе общности достаточно близки в культурном и ментальном смысле, те и другие осознают себя “российскими туркменами”. “Мы – российские, защищали Родину. Мы отрывали туркмен от ваххабитского влияния”; “Мы – граждане России, но на благо России создаем Совет юга России: из всех сел Ашхабад подбирает активистов” (ПМА 2: Ш.У. Таганьязов; ПМА 1: Г.Г. Айтеков).

Астраханские туркмены считают себя более “современными”, просвещенными, мобильными, в отличие от закаспийских соплеменников, чей “традиционный” образ жизни, обычаи и особенности поведения порой кажутся им странными:

Друг женился на девушке из Туркмении, но жену у него забрали, так как калым 30 млн не уплатил. Сестру из рода бурунджик сосватали 20 лет назад, говорят, вы сами решайте насчет калыма – а они за невесту 3–5 млн дают.

В Туркмении я был в гостях у друга в племени бурунджик – там женщины вместе с мужчинами не сидят, и только ради гостя нас вместе посадили (ПМА 2: Туликовы).

Информанты с усмешкой вспоминали, как в Туркменистане определяли их отличие от “настоящих” туркмен:

Наш родственник, яшули, 64 года, приезжал в Туркменистан – там его проверяли на длинноголовость, примеряя шапку (тельпек) с глубоким дном. Сказали – “у тебя голова не подходит под шапку, ты – не настоящий туркмен”.

Жена была в Ашхабаде в 1999 г. – ей говорят: “Какие же вы туркмены? У вас платья короткие, вы – казахи” (ПМА 1: Айтековы, Гультухамедовы).

У астраханских туркмен прослеживается многоуровневая этническая идентичность: принадлежность к роду, племени, астраханской и – шире – российской группе, а также к туркменскому народу в целом. Чувство сопричастности к Туркменистану проявляется в живом интересе к происходящим там событиям. Главная улица с. Фунтово 1 носит имя Туркменбаши. Некоторые астраханские туркмены любят смотреть туркменистанское спутниковое телевидение, а участники местных фольклорных коллективов с восхищением вспоминают ашхабадский “Фестиваль туркмен мира” (2010): “Собирали тех, кто знает обряды и традиции. Перед нами стояла задача продемонстрировать свои особенности. С нами заранее связались, узнали размеры одежды и сшили в Ашхабаде голубые наряды, ведь голубой цвет – это наша традиция, так как живем у Волги” (ПМА 2: Туликовы).

Государственная поддержка приграничной этнической группы

На волнах “национального возрождения” поддержка “этнической самости” российских туркмен пришла из соседнего Туркменистана. В мае 1991 г. были созданы “Гуманитарная ассоциация туркмен мира” (ГАТМ) и ее Астраханское отделение – в работе учредительного съезда в Ашхабаде участвовали и астраханские туркмены (Сызранов 2012: 20–22).

В постсоветский период астраханские туркмены оказались важным связующим звеном в межгосударственных отношениях России и Туркменистана. С 2000-х годов Астраханская область выступает форпостом в развитии сотрудничества с соседней страной и использует политический потенциал местной туркменской группы. В 2009 г. в Астрахани установили памятник Махтумкули Фраги – подарок Президента Туркменистана. В 2010 г. в Ашхабаде состоялся “Фестиваль туркмен мира”. В 2014 г. в Астрахани открылось консульство Туркменистана и состоялся IV Каспийский саммит с участием президентов России, Азербайджана, Ирана, Казахстана и Туркменистана. Астраханские туркмены – неперенные участники торжеств по поводу этих и подобных мероприятий. В 2015 г. Туркменистан посетила делегация Астраханской области, в ее составе были и приволжские туркмены (Итоги визита... 2015). В 2019 г. в с. Фунтово 1 состоялось открытие школы им. Махтумкули Фраги, построенной по инициативе Президента Туркменистана на средства туркменской стороны – двухэтажный учебный комплекс с оснащенными современным оборудованием кабинетами рассчитан на 190 учеников. В школу пригласили хорошего специалиста из Ашхабада для преподавания туркменского языка (Единственная в России... 2019). На этой волне в 2020 г. вновь открылась начальная школа в с. Атал.

Далеко не случайно в этот период возрос интерес астраханских этнографов, историков и лингвистов к туркменской группе. В 2012 г. при содействии

правительства Астраханской области и Астраханского отделения ГАТМ вышла прекрасно оформленная большеформатная книга “Астраханские туркмены: история и современность”, упоминавшаяся выше.

* * *

Конструирование государством национальной идентичности своих подданных – факт неоспоримый и многократно описанный. Цели и причины такого конструирования могут быть различны. Так, при царском правительстве это осуществлялось в форме категоризации на основании поступавшей с мест информации должностных лиц, исследователей и путешественников. По этим данным туркмены классифицировались как татары, хотя цели конструирования татарской идентичности тогда не стояло. Но классификация повлекла за собой соответствующие решения, в частности, обучение на татарском языке.

Сами же туркмены, получив землю в 1862 г., тут же отделились от карагашей и кундровцев, так же называемых татарами. С тех пор они развивались обособленно в своих селах – автономность и предопределила сохранение туркменской идентичности. Та часть туркмен, которая занималась торговлей и промыслами в городской среде Астрахани, легче переходила на татарский язык, вступала в смешанные браки и частично меняла идентичность.

В середине 1920-х годов, когда “национально-территориальная система Советского Союза должна была распространиться на все национальные территории” (Мартин 2011: 22), вопрос о туркменах, обнаруженных в приволжских селах, “спустили на тормозах”. Спустя пять лет началось политическое конструирование татарской идентичности, поскольку она стала социальным капиталом и сулила реальные выгоды татаро-ногайскому национальному району. Туркмены же от этого проиграли: их культурная и этническая идентичности не признавались и не поддерживались, а татарский язык, которого они в детстве не знали, насаждался как родной. Немалую лепту в конструирование ассимиляционных процессов у астраханских туркмен внесли ученые, впрочем, результаты исследований могли иметь значение не для самих жителей, а прежде всего для административных органов, принимающих решения о культурном развитии области.

Наши материалы позволяют говорить, что ни политическое, ни научное конструирование не привело к массовой смене этнической и языковой идентичностей и оказалось малорезультативным. Данные переписей свидетельствуют о том, что жители трех сел (Атал, Фунтово 1 и Фунтово 2) каждое десятилетие указывали, что они туркмены и что знают родной язык. Вряд ли сопротивление ассимиляции было осознанным и связанным с “конструктивистской” деятельностью активистов, поскольку в СССР такая деятельность подавлялась. Просто туркмены жили автономно в относительно однородной среде. Их контакты с окружающими народами были ограничены, а связь с Туркменией в советский период не прекращались, что способствовало сохранению туркменской идентичности. Резкий взлет численности астраханских туркмен по переписи 1989 г. нельзя объяснить активностью каких-либо организованных структур. На волне перестройки актуализировалась этничность, граждане стали более свободно выражать свою волю. Записанные татарами и вроде бы смирившиеся с этим люди все-таки решили указать, что они туркмены.

В постсоветский период приграничная группа туркмен оказалась в выгодном положении связующего звена между соседними странами, что помогло развернуть вектор конструирования в противоположную сторону и направить усилия России и Туркменистана на поддержку этнической самобытности этой общности.

История астраханских туркмен показывает, что этническое конструирование воздействует прежде всего на отношение государственной машины к какой-либо группе, а также, благодаря сложившимся стереотипам восприятия, на изучающих ее антропологов. Сама этническая группа может развиваться вопреки конструированию при условии, что ее члены расселены компактно и обособленно в относительно этнически однородных селениях и у них есть возможность апеллировать к реальному или воображаемому “этническому ядру”.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта “Население пограничных территорий России: динамика групповых идентичностей, отношение к гражданству, миграционные риски” в рамках Программы фундаментальных исследований “Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление российской идентичности” (2021–2022 гг.).

Источники и материалы

- ВПН 2010 – Таблица 6. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей. Астраханская область // Всероссийская перепись населения 2010 г. <https://astrastat.gks.ru/folder/50776> (дата обращения: 13.06.2021).
- ВПН 1926 – Таблица VI. Население по народности, родному языку и грамотности. Нижне-Волжский район // Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. III. М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 462–466.
- ГААО – Государственный архив Астраханской области. Р-2766. О. 2. Историческая справка; Ф. Р-1210. О. 1. Предисловие.
- Гмелин 1777 – Гмелин С.Г.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. II, Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. СПб.: Императорская Академия наук, 1777.
- Георги 1779 – Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб.: Императорская Академия наук, 1779.
- Единственная в России... 2019 – Единственная в России туркменская школа под Астраханью приняла первых учеников // ТАСС. 02.09.2019. <https://tass.ru/obschestvo/6831498>
- Итоги визита... 2015 – Итоги визита делегации Астраханской области в Туркменистан // Агентство международных связей Астраханской области. 25.11.2015. <https://mid.astrobl.ru/special/press-release/itogi-vizita-delegacii-astrahanskoj-oblasti-v-turkmenistan> (дата обращения: 17.07.2017).
- Оку, Викторин 2017 – Оку М., Викторин В.М.* Экспедиционное изучение этнолингвистики и диалектологии у туркмен Астраханской обл. в марте 2017 г. // Астраханские краеведческие чтения / Ред. А.А. Курапов. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В., 2017. Вып. IX. https://www.academia.edu/32075879/The_Astrakhan_Lower_Volga_Turkmens_Abdals_Ighdyrs_ethnolinguistics_and_dialectology_A_scientific_Expedition_with_Japanese_author_March_2017_text_in_Russian
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Атал Приволжского р-на Астраханской обл. Октябрь 2015 г. (информанты: Г.Г. Айтеков, ок. 1980 г.р.; Р.Г. Айтеков, ок. 1983 г.р.; Н.Ф. Айтекова, ок. 1985 г.р.; Х.Х. Айтекова, ок. 1955 г.р.; В.В. Гульмухамедов, ок. 1955 г.р.; Г.С. Гульмухамедова, ок. 1955 г.р.; Рауль, ок. 1990 г.р.; А.К. Худайбердиева, 1947 г.р.).

- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в села Фунтово 1 и Фунтово 2 Приволжского р-на Астраханской обл. Ноябрь 2015 г. (информанты: Г.Ш. Курбансеитов, ок. 1950 г.р.; А.Р. Кутлалиев, ок. 1950 г.р.; Ш.У. Таганьязов, 1954 г.р.; И.Т. Туликов, 1955 г.р.; А.И. Туликова, ок. 1990 г.р.; З.Г. Туликова, ок. 1960 г.р.; Ж.И. Ходжанепесов, ок. 1940 г.р.; А.К. Ходжанепесова, ок. 1945 г.р.; А. Язмухамедов, 1960 г.р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Туркменский район Ставропольского края. Октябрь 2013 г. (информант З. Юнусов, ок. 1983 г.р.).
- ЭА ИЭА РАН – Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г.; материалы Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989; материалы Всероссийской переписи населения 2002 // Электронный архив ИЭА РАН.

Научная литература

- Андерсон Б. Введение // *Андерсон Б. и др. Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 7–25.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Арсланов Л.Ш. Формирование и развитие островных языков и диалектов (на материалах тюркских языков и диалектов Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР). Дис. ... д. филол. н. Елабужский государственный педагогический институт, Елабуга, 1980.
- Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М.: Новое изд-во, 2006.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: ВШЭ, 2012.
- Брусина О.И. Российские туркмены. Три века этнической стойкости. М.: ИЭА РАН, 2019.
- Веселовский Н.И. Первое подданство туркмен в России // *Исторический вестник*. 1884. Год пятый. Т. XVI. С. 300–306.
- Викторин В.М. и др. История Астраханского края. Астрахань: АГПУ, 2000.
- Викторин В.М., Идрисов Э.Ш. Астраханские ногайцы: история и культура // *Возрождение*. 2006. № 9. <http://astinform.ru/v-viktorin-e-idrisov-astrahanskie-nogaytsy-i-istoriya-i-kultura.html>
- Викторин В.М., Идрисов Э.Ш. Этническая история и традиционно-бытовая характеристика астраханских ногайцев // *Астраханские краеведческие чтения*. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Курапов. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В., 2011. С. 308–312.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Андерсон Б. и др. Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.
- Демидов С.М. Этнографическая поездка к астраханским и ставропольским туркменам // *Материалы по исторической этнографии туркмен* / Отв. ред. А. Оразов. Ашхабад: Ылым, 1987. С. 83–109.
- Курбанов А.В. Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1995.
- Мартин Т. Империя “положительной деятельности”. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб.: Тип. МВД, 1852.
- Плющинский С.С. Национально-государственные отношения на территории Нижнего Поволжья. 1917–1927. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоградский государственный университет, Волгоград, 2010.

- Смит Э. Национализм и историки // *Андерсон Б. и др. Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 236–263.
- Сызранов А.В. Астраханские туркмены: историко-этнографическая характеристика // *Астраханские краеведческие чтения / Ред. А.А. Курапов*. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В., 2011. Вып. III. С. 322–327.
- Сызранов А.В. (сост., отв. ред.) *Астраханские туркмены: история и современность*. Астрахань: Типография “Новая Линия”, 2012.
- Сызранов А.В. Этнос и этнические группы Астраханской области. Астрахань: АОНМЦНК, 2015.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Усманова А.Р., Сызранов А.В., Водовозова И.В. (авт.-сост.) *Фольклор и этнография Приволжского района Астраханской области*. Астрахань: АОНМЦНК, 2015.
- Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 г.* СПб.: Алетей, 1998.
- Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // *Андерсон Б. и др. Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 332–346.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Андерсон Б. и др. Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.

Research Article

Brusina, O.I. The Construction of the Tatar Identity and Ethnic Survival of the Astrakhan Turkmens [Konstruirovanie tatarskoi identichnosti i vosproizvodstvo etnichnosti u astrakhanskikh turkmen]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 167–191. <https://doi.org/10.31857/S0869541522040091> EDN: HXVNOС ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Olga Brusina | <http://orcid.org/0000-0003-0134-975X> | brusina@inbox.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Turkmen, Astrakhan region, construction, ethnic identity, Tatarization

Abstract

The article addresses the problem of effectiveness of the construction of ethnic identities by the state, taking the case of the Astrakhan Turkmens. What were the results of “Tatarization”, and how did the ethnic community and its borders change? In the 18th–19th centuries, it was believed that the Turkmens partly disappeared among the Tatars and the Nogai, having adopted their language and culture. In the early Soviet period of the 1930^s, the Turkmens were officially by force registered as Tatars, and the Tatar language became their language of instruction at schools. Up until the 1990s, this ethnic group did not receive any organizational, cultural, or administrative support from the state. History has shown that the Astrakhan Turkmens, despite the pressure from the state, managed to preserve their identity owing to their autonomy and ties with the neighboring Turkmenistan. In the post-Soviet period, the Astrakhan Turkmens found themselves in an advantageous position as a border group. This was instrumental in turning the vector of construction and redirecting the efforts of Russia and Turkmenistan towards supporting their ethnic identity.

References

- Anderson, B. 2002. Vvedenie [Introduction]. In *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], by B. Anderson et al., 7–25. Moscow: Praksis.
- Anderson, B. 2016. *Voobrazaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokah i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Arslanov L.S. 1980. Formirovanie i razvitie ostrovnykh yazykov i dialektov (na materialakh tiurkskikh yazykov i dialektov Volgogradskoi, Astrakhanskoi oblasti, Stavropol'skogo kraia i Kalmytskoi ASSR [Formation and Development of Insular Languages and Dialects (On the Example of Turkic Languages and Dialects of Volgograd Region, Astrakhan Region, Stavropol Krai and the Kalmyk ASSR)]. PhD Diss. Yelabuga State Pedagogical Institute.
- Barth, F., ed. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Brubaker, R. 2012. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow: VShE.
- Brusina, O.I. 2019. *Rossiiskie turkmeny. Tri veka etnicheskoi stoikosti* [The Russian Turkmens: Three Centuries of Ethnic Resilience]. Moscow: IEA RAN.
- Demidov, S.M. 1987. Etnograficheskaia poezdka k astrakhanskim i stavropol'skim turkmenam [Ethnographic Trip to the Astrakhan and Stavropol Turkmen]. In *Materialy po istoricheskoi etnografii Turkmen* [Materials on the Historical Ethnography of the Turkmens], edited by A. Orazov, 83–109. Ashkhabad: Ylym.
- Gellner, E. 1991. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress.
- Gellner, E. 2002. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa [The Coming of Nationalism and Its Interpretation: The Myths of Nation and Class]. In *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], by B. Anderson et al., 146–200. Moscow: Praksis.
- Hobsbawm, E. 1998. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and Nationalism since 1780]. St. Petersburg: Aleteiia.
- Hobsbawm, E. 2002. Princip etnicheskoi prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoi Evrope [Ethnicity and Nationalism in Europe Today]. In *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], by B. Anderson et al., 332–346. Moscow: Praksis.
- Hroch, M. 2002. Ot natsional'nykh dvizhenii k polnost'iu sformirovavsheisia natsii: protsess stroitel'stva natsii v Evrope [From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe]. In *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], by B. Anderson, et al., 121–145. Moscow: Praksis.
- Kurbanov, A.V. 1995. *Stavropol'skie turkmeny. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Stavropol Turkmen: Historical and Ethnographic Essays]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet.
- Martin, T. 2011. *Imperiia "polozhitel'noi deiatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN.
- Nebolsin, P.I. 1852. *Ocherki Volzhskogo nizov'ia* [Essays on the Volga Lower Reaches]. St. Petersburg: Ministerstvo Vnutrennikh Del.
- Pljutsinskij, S.S. 2010. Natsional'no-gosudarstvennye otnosheniia na territorii Nizhnego Povolzh'ia. 1917–1927 [Ethnic Groups and State Relationship in Lower Volga Region. 1917–1927]. PhD Diss. Volgograd State University.
- Smith, A. 2002. Natsionalizm i istoriki [Nationalism and the Historians]. In *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation], by B. Anderson, et al., 236–263. Moscow: Praksis.
- Syzranov, A.V. 2011. Astrakhanskii turkmeny: istoriko-etnograficheskaia kharakteristika

- [The Astrakhan Turkmens: Historical and Ethnographic Characteristics]. In *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniia* [Astrakhan Local History Readings], edited by A.A. Kurapov, III: 322–327. Astrakhan': Sorokin R.V.
- Syzranov, A.V. 2015. *Etnosy i etnicheskie gruppy Astrakhanskoi oblasti* [Ethnoses and Ethnic Groups of the Astrakhan Region]. Astrakhan': AONMTsNK.
- Syzranov, A.V., ed. 2012. *Astrakhanskie turkmeny: istoriia i sovremennost'* [The Astrakhan Turkmens: History and Modernity]. Astrakhan': Tipografiia "Novaia Liniia".
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Usmanova, A.R., A.V. Syzranov, and I.V. Vodovozova. 2015. *Fol'klor i etnografiia Privolzhskogo raiona Astrakhanskoi oblasti* [Folklore and Ethnography of the Privolzhskii Region of the Astrakhan Province]. Astrakhan': AONMTsNK.
- Veselovskii, N.I. 1884. Pervoe poddanstvo turkmen v Rossii [The First Citizenship of the Turkmens in Russia]. *Istoricheskii vestnik* XVI: 300–306.
- Viktorin, V.M., at al. 2000. *Istoriia Astrakhanskogo kraia* [The History of the Astrakhan Region]. Astrakhan': AGPU.
- Viktorin, V.M., and E.S. Idrisov. 2006. Astrakhanskie nogaittsy: istoriia i kul'tura [The Astrakhan Nogais: History and Culture]. *Vozrozhdenie* 9. <http://astinform.ru/v-viktorin-e-idrisov-astrakhanskie-nogaitsyi-istoriya-i-kultura.html>
- Viktorin, V.M., and E.S. Idrisov. 2011. Etnicheskaia istoriia i traditsionno-bytovaia kharakteristika astrakhanskikh nogaitsev [Ethnic History and Traditional-Customary Characteristic of the Astrakhan Nogays]. In *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniia* [Astrakhan Local History Readings], edited by A.A. Kurapov, III: 308–312. Astrakhan': Sorokin R.V.